

Евгений Пазухин

РОЖДЕННЫЕ В МИР

"Благочестие на все полезно,
имея обетование жизни настоящей
и будущей."

/1 Тим. 4,8/

Моя задача состоит в том, чтобы рассказать о событиях религиозной жизни Ленинграда 70-х гг., свидетелем и непосредственным участником которых я был, и которые уже привлекли внимание некоторых публицистов. Не претендуя на сколько-нибудь полный охват событий тех лет и законченность их анализа, я хотел бы, тем не менее, сделать попытку их осмысления. Речь, по преимуществу, пойдет о религиозном движении в среде творческой интеллигенции Ленинграда.

Прежде всего отметим, что мотивы, побуждавшие многих из нас вступить на путь религиозных исканий, часто носили внерелигиозный характер: 1) невозможность разрешить свои личностные проблемы в рамках официальной идеологии; 2) новизна религиозного ^{мировосприятия} ~~понимания~~ мира, экзотичность; 3) эстетическая притягательность церковной жизни; 4) новая сфера приложения интеллектуальной энергии. Были, конечно, и другие стимулы: "духовная жажда", ощущение своей "призванности", перенесенные скорби. Но эти общечеловеческие побуждения, играя заметную роль в религиозном движении 70-х гг., в то же время не отражают его ~~особенности~~ ^{специфики}.

Это движение, на мой взгляд, своими корнями уходит в конец 50-х - начало 60-х гг., когда потянуло первым ветерком хрущевской "оттепели". Правда, многим тогда он казался чуть ли не ураганом. Кто только не был захвачен им!.. Не тогда только единицы пытались найти в Церкви укрытие от "колеблющихся и развещающих" стихий мира. В Ленинграде это Сергей и Вадим Танчики, Кирилл Вовк, совсем молодые тогда Влади-

мир Эрль и Александр Миронов, автор этих строк и еще несколько одиночек... Их тогда с полным правом можно было называть "чужаками". Так дико они выглядели на фоне прогрессивного социального оптимизма и жизнеутверждающей патетики Паншенкиных, пехмутовых, рождественских, евтушенов. Даже участие в церковной службе в окружении реликтовых и презираемых всеми старушек, когда проводилась самая шумная атеистическая компания, ^{последних лет} требовало усилий почти подвижнических. Именно они тогда начали пробивать узенькую тропку, превратившуюся затем, в 70-е годы, в дорогу, по которой шло в Церковь послевоенное поколение.

Для большинства из нас приход в Церковь был бегством из мира и сопровождался фанатическим отвержением всего земного. Неотмирность Церкви не была для нас препятствием, ибо к принятию "абсурда веры" мы были подготовлены "абсурдом повседневности". Все наше воспитание, по форме атеистическое, являлось религиозным по существу. У нас уже был специфический "негативно-религиозный" опыт переживания торжества в мире демонически-иррационального начала. Поэтому тайнства Церкви сразу оказались для нас куда более понятными и приемлемыми, чем "очевидности" действительности.

Препятствием же для вхождения интеллигенции в Церковь служит зачастую не непонятность (или архаичность) ее догматики и культа, а ее ^{слишком жесткий} институциональный характер, ^{зависимость от} ~~слишком~~ ^{от} ~~на~~ ^{зависимость от} структура отвергнутого социума. Приняв без затруднений Церковь Небесную, интеллигент часто не может смириться с Церковью, ^{призванной быть воинствующей, но полностью} ~~отделившей~~ себя от дел мира. Замкнувшись в высоком литургическом служении, "церковь обороняющаяся", утратила волю к стяжанию мира, уступив его атеизму. Вот одно из главных искушений, через которое должна была пройти наша интеллигенция на своем пути в Церковь.

Нетрудно заметить, что путь этот диаметрально противоположен пути традиционно-народному. Для тех, кто шел по ^{из недр} ~~на~~ национально-религиозной стихии, православие открывалось сразу с его п р а к т и ч е с к о й, культовой, подчас магической стороны. Они не могли знать тех интеллектуальных искушений и сомнений, которые подстерегают выходцев из

нашего секулярного "Египта". Но именно поэтому им трудно было противостоять его разрушительному воздействию.

.. Церковность же интеллигенции, к сожалению, зачастую сводится лишь к разговорам о церковности, в лучшем случае — к ее суррогатам. К их числу можно отнести церковный интелектуализм, церковный эстетизм и своеобразный "церковный профессионализм", — при фактическом отсутствии личной исповеди и какого бы то ни было духовного руководства очень легко усвоить немудреную форму церковного поведения, сводящегося к более или менее систематическому посещению храма и выполнению некоторых освященных традицией действий. И лишь очень немногие пришли уже к подлинному воцерковлению. А начинался зачастую этот путь вообще без какой-либо ориентации на Церковь. Почвой, породившей описываемое явление, был так называемый (поиски) "духовности". И тогда и сейчас трудно было бы объяснить, что такое ^{это} духовность. Но тогда (на рубеже 60-х-70-х гг.) сама неопределенность этого понятия служила прекрасным ^{соединяющим началом} обозначением нового ^{соединяющего начала} явления, дух которого был растворен в атмосфере тех лет. Почти не проводилась смысловая дифференциация между понятиями: духовность-религиозность-христианство-церковность. Мы приблизились к пониманию термина "духовность", ^{существовавшего в то} того времени, если выделим в нем прежде всего психологический негативизм по отношению к социуму. Таким образом, реальным содержанием этого явления были, по преимуществу, во-первых, негативизм, а во-вторых, ^{определенное} психологическое состояние; и не о духовности, скорее нужно было бы говорить, ^{в данном случае} а о "душевности". Но мы не должны забывать, что в его смысловой ореол включалось также представление о Церкви, которая в связи с этим тоже мыслилась в категориях психологии и социологии, ^{как} идеала. И действительно, Церковь многими воспринималась (и даже по сих пор воспринимается), как некая оппозиция государству. Отсюда — по сей день сохранившаяся — горькая обидка некоторых диссидентов на Церковь, не оправдавшую их политических надежд.

На этом этапе смутное душевное брожение получало, в

основном, спонтанное и индивидуалистическое воплощение в различных опусах, импровизированных проповедях, шумных дискуссиях, часто носивших эпатажный, а то и прямо скандальный характер. Исповедание религии и политическое бунтарство практически не различались. Для того, чтобы объединиться на религиозной основе, необходимо было размежеваться по принципу отношения к социальным ценностям. Я думаю, что из плавы "духовности" образовалась с одной стороны прослойка оппозиционно настроенной интеллигенции, а с другой — те, кто, в конечном счете пошел по пути воцерковления. С момента этого разделения, по-моему, и можно вести отсчет времени существования так называемого "религиозного ренессанса" в современной России (приблизительно начало 70-х гг.).

Словцо это зародилось (или точнее: возродилось) в среде все той же взъскующей "духовности" интеллигенции. Появился даже специальный самиздатский орган "по вопросам религиозного возрождения". Задоминавшаяся, броская формула стала своеобразным паролем для значительной части русской молодежи 70-х гг. Это был период, если так можно выразиться, "романтической религиозности". Но наряду с тщеславием, само-рекламой, наивностью, были в нем и искренность, чистота, порыв к подвижничеству. Наряду с желанием "попасть в Историю" в суэтом, сиюминутном, журналистском смысле, была здесь и подлинная "тоска по Истории" (если воспользоваться формулой Бориса Шрагина). И именно этот род тоски, наряду с "ожиданием Бога" (Земинский), определял духовную атмосферу этих лет.

Интуитивно, наше поколение ощущало не только свое духовное, но и свое историческое ^{привлечение} место. И если обращение в христианство было для него обретением смысла жизни (фактически рождением ^x) без всяких приставок), то воцерковление — обретением Истории; — 2 неразделимых этапа "рождения в мир".

Иногда высказывается мнение, что культура может быть только церковной, но, мне думается, что в еще большей сте-

x) "Восхотев, родил Он нас словом истины..." (Иак. 1, 18).

пени это может быть отнесено к Истории. Именно Церковь и исповедует в этом мире Христа, который есть "α" и "ω", начало и конец, т.е. полнота Истории. До того как мы вращаемся в историческое тело Церкви, мы находимся в "субистории", ведем корневое существование, еще не взошли. Возрождение — категория историческая. Поэтому ^{пока} можно говорить только о жажде возрождения.

Когда начало употребляться словосочетание "религиозный ренессанс", о церковности еще почти никто и не помышлял. Под его знаменем происходило единение интеллигенции на почве интереса к религии вообще, и к православию, в частности. Одной из форм ~~появления~~ такого единения стал, начавший свою работу в середине 70-х гг., религиозно-философский семинар, инициатором которого ^{была} Татьяна Горичева. Поначалу он носил скорее культурологический, чем религиозный характер. Очень большое место на его заседаниях уделялось обсуждению проблем литературы, живописи, философии. Это было обусловлено тем, что его контингент состоял, преимущественно, из молодой творческой интеллигенции Ленинграда.

Правда, постепенно превалирующей стала тенденция к экспансии в смежные с религией области и синкретизму, что нашло отражение в названиях обсуждаемых тем: "Христианство и живопись", "Литургическая и светская поэзия" или шире: "Христианство и культура". Причем, проявилась явная тенденция к последовательному сближению традиционно-несовместимых сфер. Запомнился, например, вопрос из одной анкеты, опубликованной в журнале "З7": "Можете ли Вы представить себе православный храм, расписанный художником-абстракционистом?"

Журнал "З7", зародившийся как печатный орган семинара, в значительной степени отразил в своих публикациях его эволюцию. Как мы видим, религиозность "религиозного ренессанса" была весьма условна. Даже теоретический интерес собственно к религии был ^{очень} весьма невелик. Об этом свидетельствует неудачная попытка превратить на этом этапе семинар в религиозно-образовательный с целью изучения творений Отцов Церкви.

.. Что же касается осознания религии, как реального пути единения с Богом, то от такого ее понимания наша интелли-

генция, только выдупившаяся из скорлупы "духовности", была ^{очень далеко} далека.

Поначалу на семинарских занятиях дарил характерный для этого времени нашего религиозного движения "экуменизм а *рtот*". Кто только ни бывал ~~иногда~~ ^{когда-то} на них! Представители различных христианских ~~префесий~~ ^{конфессий} и "просто христиане": "духовные" и "анонимные". Далее: иудеисты, буддисты, йоги, кришнаиты и те, кто пытался осуществить синтез всех вышеупомянутых религий. Был даже один "первосвященник до чину Мельхиседека", а также единственный член "церкви единого бога". И все они достаточно мирно уживались друг с другом. Существовало если не взаимопонимание, то, по крайней мере, иллюзия идейного согласия. О разнообразии и масштабности обсуждаемых вопросов свидетельствует хотя бы этот перечень: "Христианство и гуманизм", "Религия и национальный вопрос", "Неохристианство", "Церковное христианство и христианство в миру", "Христианство и нравственность" и снова: "Христианство и культура". Кроме того, Т. Геричевой был прочитан ряд докладов о современном католическом и протестантском богословии. Форма докладов была самой разнообразной: устные импровизации, философские статьи, эссе. Один раз была даже зачитана "мистерия".

Но при всем разнообразии тем, исповеданий, индивидуальностей, только единожды возникло подобие конфликта. Случилось это в тот вечер, когда религиозная интеллигенция встретила на одном из занятий семинара с молодежью ленинградской баптистской общины. Трудно представить себе большую несовместимость в религиозной ориентации. С одной стороны, претендующие на богословскую рафинированность, созерцательно настроенные неофиты, с другой, — проникнутые богословским (и вообще культурным) нигилизмом сектанты, стремящиеся к обретению прозелитов. Понятно, что первые реагировали на практические притязания вторых с таким же успехом, как вторые на теоретические построения первых. То есть царил атмосфера полного взаимопонимания. В этой ситуации с особенной остротой выявился трагический разрыв между "рассуж-

дающими" и "действующими" внутри религиозного движения. Но, как известно,, и рассуждения без действия и действие "не по рассуждению" не могут привести к какому-либо положительному результату. Последнее, может быть, даже опаснее, так как в нем отсутствует сомнение, которое могло бы удержать от вступления на ложный путь. При всем уважении к нравственной или чистоте, проповеднической активности и личному мужеству наших баптистов, необходимо отметить, что радикальный отказ от культуры фактически обезоруживает их перед лицом атеистического мира. Но я думаю, что не только антикультурная ориентация, но и явное отсутствие исторического самосознания в русском баптизме оттолкнули нас тогда от него. Может быть, именно эта встреча в большой степени содействовала конфессиональному самоопределению многих участников семинара.

Бесспорно, "слово Божие звало нас из недр Церкви", но вопрос в том, кто помог нам услышать Его призыв? Я думаю, что в первую очередь это была не иерархия, а простые верующие. Именно эти православные миряне (в подавляющем большинстве старухи) примером или косноязычными увещаниями постепенно подточили "окаменел^{нн}ое нечувствие" послевоенного поколения. Мы до сих пор не осознали громадную роль этого постоянного "церковного контингента" не только в сохранении, но и в распространении православия. Когда клир вынужден молчать, прихожане подчас, сами того не осознавая, принимают его роль на себя. И стоило привлечь к Церкви хотя бы некоторых, как, подобно пламени, охватывающему сухой хворост, интерес к православию стал распространяться в среде интеллигенции. Хотя, для многих этот интерес так и остался только поводом к интеллектуальным штудиям. Они не в состоянии понять, что для восприятия новой Реальности необходимо о б н о в л е н и е у м а. Только подвигом самоотвержения рационалистически-одномерное сознание может преобразиться в сознание, открытое слову Божию. В этом смысле "топчущаяся в храме" старушка, подчас ближе к истине, чем изощренно богословствующий интеллигент. Она, по слову

Григория Паламы, имеет "не знание о Боге", а знание Бога Самого". Хотя, конечно, это далеко не всегда так. И как часто подлинное "сердечное" боговедение подменяется темной стихией языческого магизма!.

И тем не менее, прохождение "чрез горнило сомнений" может служить удостоверением истинности нашей веры. Но этот путь требует неимоверного творческого напряжения и самоотречения, и почти неизбежны рецидивы прежнего идеологизма, либо в скрытой форме "церковных идеологий", либо в открытом отступлении на рубежи рационалистических учений. Но поскольку безбрежный атеистический рационализм в глазах неопитов себя скомпрометировал, зачастую выбирают формы облагороженного, смягченного, "религиозного" рационализма. Например, на европейский лад перекроенную догу или синтез современной науки и древней магии. Половодье оккультизма в сегодняшней России — в некоторой мере рационалистическая реакция на "христианский ренессанс".

К концу 70-х гг. Ленинградская религиозно настроенная интеллигенция в значительной ^{степени} массе стала на путь воцерковления. Хотя и здесь, конечно, не обошлось без психологизации и романтических крайностей. — Со знаком "+": полное патетическое принятие церковной действительности, и со знаком "-": безоговорочное отвержение церкви в ее униженном земном состоянии. Этот извечный парадокс получил достаточно полное освещение в современной экклезиологии. Я бы хотел указать еще на один парадокс церковной жизни, являющийся уже специфическим для современного русского православия: если Церковь не "повернется" к миру, мир не сможет ^{действительно} воспринять ее мессианскую активность, а если он этого не сделает, она к нему не "повернется".

И вот здесь остро встает вопрос о соотношении клира и мира, пастырей и пасомых. Мне кажется, что обычно мы проводим неправомерное резкое противопоставление тех и других, забывая, что они в совокупности составляют единое тело Церкви. Миряне, наряду со священнослужителями, несут ответственность за нормальное функционирование церковного организма. Горделиво противопоставляя себя иерархии, мы просто

оправдываем этим свою духовную лень. Отмежевываясь от тела Церкви, мы тем самым показываем, что не желаем проявлять заботу о его немощных членах. Что из того, что немощью поражены главные части и функции организма (голова, зрение, слух)? мы должны содействовать их исцелению и, может быть, на какое-то время даже принять на себя часть этих функций (как в послереволюционный период иногда принимали на себя функцию "гласа Церкви" простые миряне).

Невозможно отрицать наличие в современной русской Церкви прекрасных пастырей (об этом писалось много), но ведь нельзя не видеть и того, что некоторые представители иерархии отказываются от попечения о церковной экономике, замыкаются в своекорыстных интересах, подменяют истинное христианское бытие традиционно-клерикальным бытом. Мне кажется, что неправомерно уклоняться от рассмотрения возникающих в этой связи проблем со ссылкой на необходимость смиряться или из боязни подорвать основы церковности. Церковь неуничтожима! Если предположить даже такую невозможную ситуацию, при которой вся иерархия вдруг стала бы атеистической и направила бы свои усилия на разрушение Церкви, ей и тогда не удалось бы это сделать. Рукам человеческим не истребить дела Божия. Вся история Церкви Христовой показывает, что она неуничтожима не только внешне, но и изнутри.

Иногда создается впечатление, что некоторые русские православные священники прилагают к ее уничтожению немало усилий. Что греха таить! — Пастырь, противодействующий церковной активности своих прихожан, явления не такое уж редкое в нашей Церкви. Священнослужители иногда злоупотребляют своей властью, запрещая мирянам делать то, что служит на благо Церкви. В качестве примера можно вспомнить печальную историю ленинградского молодежного церковного хора. Он целиком состоял из православной молодежи и преследовал единственную цель обучения его участников церковному пению. Несмотря на явную политическую безобидность этого начинания, хор кочевал из храма в храм, не будучи в состоянии найти себе пристанище. В конце концов он был просто изгнан

вновь поставленным протоиереем из последнего места своего обитания и распался. Предположим, что представители иерархии вынуждают к подобным действиям. Но ведь известны примеры мужественного и успешного противостояния (отец Александр Мень, например). Конечно, было бы нелепо требовать и ожидать от Церкви конфронтации с властью. Но ведь есть сферы чисто церковной компетенции, в которой иерархия может и должна нести полноту духовной ответственности. "Пастырь добрый, — сказано в Евангелии, — полагает жизнь свою за овец". /Иоан, 10, 11/. Он затем и поставлен на свое служение, чтобы, где потребуется, кротостью и смирением, а где требуется, мудростью и твердостью оберегать свое стадо от расхищения. Иначе он просто перестает быть пастырем. Но существование "недобрых" пастырей, равно как и нерадивых мирян не перечеркивает спасительного значения Церкви.

Ведь и среди тех, кто волею Провидения пролагал пути в православия для нынешнего поколения русской интеллигенции, не было людей безупречных с церковной точки зрения. Они были такими же "спасающимися грешниками" как и все остальные "приходящие в Церковь". Но, может быть, они были наделены немного большей, если так можно выразиться, "церковной интуицией", которая вела их сквозь мир призраков к единственной подлинной Реальности, к точке слияния жизни настоящей и будущей.

В последние годы существования семинара религиозная проблематика стала превалирующей. Хотя это не означает, что был утрачен интерес к культуре. Просто была выработана новая иерархия ценностей. Симптоматично, что журнал "37" стал именоваться "журналом православной культуры". /До этого религиозная направленность вообще не выделялась/. В этот период изучались в основном труды тех представителей русской религиозной мысли начала XX века, которые пытались выявить в культуре скрытые пласты религиозности: Бердяева, Розанова, Флоренского, Булгакова и т.д. В связи с этим, отметим, что в поисках церковности ленинградская религиозная интеллигенция 70-х годов пошла не по пути отвержения (как их сверстники-баптисты), а по пути преобразования культуры.

И в этом, может быть, впервые обнаружилась ее историческая связь с религиозным ренессансом начала века. Были попытки навести и более зримые мосты. Одной из них явилось издание в 1980 г. сборника "Церковь, культура, идеология". Это было последнее творческое усилие участников семинара. Сборник этот был задуман, как продолжение традиции тематических сборников начала XX века ("Вехи", "*De profundis*" и др.). Первоначально предполагалось посвятить его исключительно критическому анализу идеологии. В предисловии Т. Горицева писала: "В сборнике "Церковь, культура, идеология" мы публикуем статьи основных авторов журнала "ЭЗ": Пазухина, Дмитриева, Горицевой, Кривулина, а так же авторов, близких по духу этому изданию: В. Антонова и В. Якубова. В их статьях можно выделить некоторые сквозные идеи, которые и определяют духовно-интеллектуальный климат наших религиозных исканий. Статьи направлены против идеологии. И не случайно, что анти-идеологический сборник появился именно в Ленинграде. Это город скептиков и метафизиков. Здесь не терпят односторонности и убегают от партийных страстей. Быть может, есть в этом нечто от провинциального снобизма, но присутствует и другое: любовь к глубине и философской неоднозначности, немного наивное и даже старомодное преклонение перед культурой и знанием, открытость вселенскому, мировому опыту."

Эта, в некотором смысле, точная характеристика сборника, все же не соответствовала строго его тематике. Статьи были также далеко не равноценны по своему уровню. Критика, которой он подвергался впоследствии, была во многом обоснована. Но как первый опыт такого рода в среде новой ленинградской религиозной интеллигенции, сборник этот, несомненно, заслуживал внимания.

Вскоре, после отъезда в июле 1980 г., Т. Горицевой, сначала семинар, а затем и журнал прекратили свое существование.

Если одним взглядом окинуть путь, проделанный в течение прошедшего десятилетия нашей религиозной интеллигенции-

ей, то можно сказать, что это было почти незаметное, но неуклонное сужение: от "духовности" и "религиозности вообще" до отчетливо сознающей себя православной церковности. И это вполне закономерно: невидимо водительствоваемое Духом Божиим, новое поколение христиан в России искало "узкий путь" и "узкие врата". А это и есть врата церковные, за которыми обретается вся полнота жизни, дарованной нам Христом.

Добавление

Ровно три года назад, в ночь перед Рождеством 1981 года в Ленинграде зародилась своего рода "огласительная школа", состоящая исключительно из мирян. В нее частично влились участники философско-религиозного семинара. Первое занятие происходило в составе двух учащихся, впоследствии, контингент школы значительно расширился.

"Школа" ставила перед собой задачу "правильного оглашения" ее учеников, то есть усвоения путем взаимообучения основных вероучительных истин православия.

На первом этапе мы занимались изучением "Точного изложения православной веры" И. Дамаскина (что было интуитивно верно найденным началом). Впоследствии была выработана достаточно гибкая и плодотворная форма учебн. Были созданы четыре курса. На этих курсах преподавались основы христианского вероисповедания по наиболее необходимым для нас предметам: догматике, литургике, экзегетике и истории Церкви.

Правда, даже внутри "школы" проявились тенденции "антипросветительские", что может служить яркой иллюстрацией к тезису современного богослова В. Зелинского о том, что социально-инспирированная пассивность идет в современной русской церкви рука об руку с традиционной антипатией к знанию.

Вследствие возникшего конфликта, часть учащихся отсеялась, но школа продолжала занятия с завидной и даже необъ-

ъяснимой в среде российской интеллигенции четкостью и систематичностью. В общей сложности ее работа продолжалась в течение 2-х семестров: 1981 и 1982 гг. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что школа дала ее учащимся возможность ознакомиться с основами христианского учения, которой вне "школы" они, естественно, были лишены. . .

Осенью 1982 года, не получив одобрения со стороны церковных властей, "школа" прекратила свое существование.

//////////